

Матушка Цзинь, видя, как разгневана её госпожа, в сердце своем тут же зародилась мысль. Она вспомнила, как несколько дней назад Госпожа Синь, не сумев выпустить пар, сама попала в ловушку Гу Чжису, и тогда ей уже показалось, что этот сын от наложницы обладает какой-то странной силой. Теперь, услышав, что он снова активизировался, она стала говорить с особой осторожностью:

— Княгиня, кроме вас, в резиденции только князь и старая госпожа могут разобраться с этим делом.

— В последние дни князь не проявлял никаких странностей. Хотя он и не оставался в моем дворе, но и не посещал Двор Жунли, — Госпожа Синь сверкнула глазами, в голосе звучала тяжелая злость. — Значит, это указание старой госпожи?

Матушка Цзинь, видя, как лицо госпожи потемнело, поняла, что она действительно в ярости, и стала еще осторожнее:

— Похоже, это действительно указание старой госпожи.

Госпожа Синь ударила ладонью по столу, отчего чашка на столе затрещала, и чай выплеснулся наружу. Её ноготь из панциря черепахи сломался пополам:

— Старая госпожа всегда смотрела на меня свысока, но, учитывая мой статус и детей, она никогда не вмешивалась в дела внутреннего двора. Почему же на этот раз она заступилась за этого ублюдка?

Матушка Цзинь, испуганная её гневом, не осмелилась говорить. Госпожа Синь, немного успокоившись после вспышки ярости, опустила взгляд на свой сломанный ноготь и медленно произнесла:

— Может быть, этот ублюдок... стал оружием в руках старой госпожи?

Матушка Цзинь не поняла её слов:

— Княгиня, что вы имеете в виду?

Госпожа Синь лишь холодно фыркнула, не ответив, и подошла к окну, крепко сжав подоконник. Её взгляд, полный ненависти, был направлен в сторону главного дома, где жила старая госпожа. Матушка Цзинь, сначала не придав этому значения, случайно взглянула на выражение лица госпожи и тут же содрогнулась, опустив голову и не осмелившись больше сказать ни слова.

— С сегодняшнего дня вы двое будете слугами в Дворе Жунли.

В это время, когда в Дворе Линьцзян царил странная тишина, в Дворе Жунли, ближайшем к внешней стене, было спокойно. Гу Чжису стоял на ступеньках перед домом, сжимая в руках грелку, и, глядя на двух худощавых фигур, стоящих на коленях, спокойно произнес:

— Я не Гу Хайтан и не стану вас наказывать. Но если вы не справитесь с порученными вам делами, я, вероятно, не смогу долго вас держать. Понятно?

Слуга, который хотел спасти своего брата и предупредить Гу Чжису, вспомнил, как несколько крупных служанок из Двора Яюнь смотрели на него с ненавистью, когда они уходили, и без колебаний ответил:

— Слуга Вэй Сянь готов служить четвертому молодому господину и приложит все усилия!

Его брат Вэй Ю был еще хуже, и его раны еще не зажили, отчего его глаза казались еще огромнее. Немного подумав, он прямо посмотрел на Гу Чжису и ответил:

— Слуга Вэй Ю обязан жизнью четвертому молодому господину и отныне будет предан только вам! Если я смогу сделать что-то, пожалуйста, прикажите!

Гу Чжису, видя их уверенные ответы, понял, что они окончательно порвали с Двором Яоюнь, и теперь только он сможет их защитить. После недолгого размышления он снова заговорил:

— Я задам вам вопрос, и вы должны ответить честно — хотите ли вы заниматься боевыми искусствами?

Вэй Сянь не ожидал такого вопроса от господина и на мгновение замер:

— Боевыми искусствами?

Зато Вэй Ю, услышав это, глаза загорелись:

— Молодой господин, я хочу!

Гу Чжису не ожидал, что первым согласится не мужчина Вэй Сянь, а слабый Вэй Ю:

— Говорят, ты Женщина-шуан?

Вэй Ю, глаза ярко горели, и его слова были твердыми:

— Смее спросить, молодой господин, разве Женщина-шуан... не может заниматься боевыми искусствами?

Гу Чжису, посмотрев на него несколько мгновений, вдруг улыбнулся:

— Нет... Женщина-шуан, конечно, может заниматься боевыми искусствами. Ты решил?

— Да.

— Молодой господин, раз мой брат будет заниматься, то и я тоже!

— Хорошо, — Гу Чжису понял, что Вэй Сянь просто не сразу сообразил, поэтому ответил позже Вэй Ю. — С сегодняшнего дня вы будете тренироваться по этому манускрипту, но только ночью, во дворе, чтобы другие в резиденции не заметили. Днем вы будете выполнять грубую работу в моем дворе. Мои тренировки одобрены старой госпожой, и вы будете моими спарринг-партнерами.

— Да, молодой господин!

Устроив двух слуг в Дворе Жунли и поручив Цинхуань обработать раны Вэй Ю лекарствами, Гу Чжису к вечеру того же дня написал два манускрипта, которые передал через Цинхуань двум слугам. В них содержались базовые упражнения, и только Вэй Ю умел читать несколько иероглифов, поэтому Гу Чжису поручил Цинхуань научить их.

На следующий день, когда еще не рассвело, Цинхуань с удивлением заметила, что под грушевым деревом во дворе, казалось, мелькала тень. Она тут же проснулась, накинула одежду

и выбежала наружу, чтобы увидеть своего молодого господина, который стоял в стойке под грушевым деревом, а рядом с ним были две фигуры — братья Вэй Сянь и Вэй Ю.

— Молодой господин... что вы...?

Гу Чжису, видя, что она проснулась из-за него, сохранил спокойное выражение лица и, не обращая внимания на её удивленный взгляд, просто приказал:

— С сегодняшнего дня я буду тренироваться. Раз ты уже встала, приготовь мне чашку горячего чая.

Цинхуань сначала удивилась, но, подумав, что мужчинам тренировки полезны для здоровья, не стала задавать лишних вопросов и поспешно ответила:

— Да, молодой господин!

Слушая, как шаги Цинхуань удаляются, Гу Чжису глубоко вздохнул, медленно поднял голову и устремил взгляд на грушевое дерево, на котором осталось лишь несколько сухих листьев. Его глаза, отражая пятна света, постепенно начали терять фокус.

Техники, которые он сейчас практиковал, и базовые упражнения, которые он записал, были в основном теми, что Чанъань дал ему после его восшествия на престол.

Чанъань много раз передавал ему внутреннюю энергию, чтобы спасти его жизнь, которая уже должна была закончиться.

Когда он потерял ноги и был ранен мечом, Чанъань вовремя пришел на помощь и передал ему немного внутренней энергии, чтобы спасти его. Позже, когда он взошел на престол, но его здоровье оставалось слабым, Чанъань всегда хотел, чтобы он тренировался, чтобы продлить жизнь.

Но тогда его сердце было мертво, и он хотел только отомстить, не заботясь о своей жизни, поэтому он несколько раз отказывался от предложений Чанъань. Однако Чанъань был упрямым и настойчивым, неоднократно настаивая, чтобы он тренировался. В конце концов, он вынужден был выучить множество техник, включая те, которые не требовали внутренней энергии, но никогда не думал, что они ему пригодятся.

После своего возрождения он уже задумался о тренировках и хотел вырастить собственных подчиненных, которые не только защищали бы его, как личная охрана Чанъань, но и помогали бы ему постепенно взять под контроль весь Минду.

Кроме того, вернувшись в тринадцатилетний возраст, он понимал, что хоть его кости уже не были такими гибкими, как в семь или восемь лет, дополнительные навыки боевых искусств ему не помешают. Этот внутренний двор был полон хищников, и хотя его нынешний ум не боялся ничего, в мире всегда было много неопределенности. Что, если Госпожа Синь, доведенная до отчаяния, как Синь Линьхуа в прошлом, снова попытается убить его? Разве он снова будет ждать, пока Чанъань примет удар за него?

Более того, учитывая нынешнюю ситуацию, он рано или поздно столкнется с Синь Линьхуа, Синь Юаньпином или нынешним императором. В этой жизни он не позволит им жить спокойно, но в его сердце никто не мог сравниться с Чанъань, который был наиболее подходящим для трона императора!

Мысли Гу Чжису крутились в голове, но его лицо оставалось непроницаемым, и он медленно закрыл глаза.

Незаметно прошел день, и в резиденции царила тишина, никто не беспокоил людей во дворе. Снаружи стало темно, и Двор Жунли погрузился во тьму.

Цинхуань заметила, что с тех пор, как её господин упал в воду, он все больше любил размышлять, сидя в кресле-качалке. Каждый раз, когда она входила, чтобы сменить чай, ей казалось, что душа её господина улетела куда-то, но, учитывая свое положение служанки, она не осмеливалась спросить, о чем он думал, и лишь молча стояла в углу, с беспокойством наблюдая за Гу Чжису.

<http://bllate.org/book/16652/1525636>